

Чжоу Сяолэ разбудил шум. Он смутно выплыл из сна, и первым, что попало ему в глаза, оказался чей-то подбородок. Всё тело его застыло; он уже собирался перевернуться и вскочить, но тут вспомнил, что это Сюй Гуань, и резко выдохнул с облегчением.

Однако этот вздох ещё не успел закончиться, как он вдруг обнаружил: рука Сюй Гуаня обнимает его за талию, а он сам, похоже, не привык спать без подушки и во сне сознательно отыскал плечо Сюй Гуаня вместо изголовья.

Чжоу Сяолэ подумал: ого, от «одна кровать, разные одеяла» до «обнявшись во сне». Развитие слишком быстрое, в какой-то мере даже волнующее...

Он прищурился и тайком поднял взгляд на Сюй Гуаня. Ещё не проснулся. Хорошо, хорошо. Если бы они проснулись одновременно в таком положении, было бы довольно неловко...

Впрочем, на рассвете под открытым небом было прохладно, а спать в объятиях действительно тепло. Словно поддавшись наваждению, он уткнулся головой глубже в постель. Тепло, уютно, очень приятно. А когда он осознал, что именно сделал, это тепло прямо превратилось в жар.

Он как раз предавался беспорядочным мыслям, когда Сюй Гуань шевельнулся. Чжоу Сяолэ от испуга снова всем телом застыл и задержал дыхание, не смея выдохнуть. Но Сюй Гуань, похоже, всего лишь перевернулся: из положения на боку лёг на спину, и руку тоже убрал. Чжоу Сяолэ слегка выдохнул. После того как Сюй Гуань лёг ровно, тепло исчезло, и вскоре он почувствовал, как под постель забралось немало холодного ветра. Досыпать уже не получалось, так что он просто решил встать.

Повернув голову, он увидел нежную зелень травы и вдруг подумал об одной вещи.

Он выкатился из постели и, едва перекатился на траву снаружи, ещё не успел ощутить милую прелесть зелёных травинок, как утренняя роса проморозила его насквозь. Он не удержался и тихо втянул воздух сквозь зубы: «С-с...» Потом поднял голову и увидел, что Сюй Гуань смотрит на него широко раскрытыми глазами. Взгляд у него был ясный, без малейшей сонливости, только потрясение и недоумение.

Чжоу Сяолэ оставалось лишь молиться, чтобы Сюй Гуань не видел, как он по-дурацки катался по траве. Однако одна фраза Сюй Гуаня разбила все его надежды:

— Лэ-гэр только что... что делал?

Отлично, он не сказал «катался», значит, это не неловко!

Чжоу Сяолэ сухо хохотнул два раза и с серьёзным видом ответил:

— Люди ведь говорят, что утренняя роса - это яшмовая влага и нефритовая роса, вот я и решил

немного в ней искупаться...

Только тут Сюй Гуань заметил, что одежда Чжоу Сяолэ слегка намокла. Он и правда «искупался» в немалом количестве «яшмовой влаги и нефритовой росы». Испугавшись, что Чжоу Сяолэ простудится, Сюй Гуань, не думая, протянул руку и дёрнул его обратно, снова втянув только что выкатившегося из постели Чжоу Сяолэ под покрывало.

Он нахмурился, в голосе прозвучало лёгкое недовольство:

— Утренняя роса очень холодная. Осторожнее, простудишься.

Затем он положил ладонь на мокрое место, направил внутреннюю силу и передал туда тепло. Пусть внутренняя сила не могла полностью высушить одежду, но всё же могла на время защитить от холода, чтобы он не озяб и не подхватил простуду.

Чжоу Сяолэ знал, что виноват сам, и послушно позволил Сюй Гуаню прогреть одежду. Они вдвоём ещё некоторое время возились под покрывалом и только потом оба поднялись.

Едва они встали, как увидели: у дальнего лотка сидят двое, облокотившись одной рукой о стол и повернувшись в их сторону, явно с видом людей, наблюдающих хорошее представление.

Цао-лаобань локтем ткнула Шэнь Юя и сказала:

— Когда ты найдёшь себе жену или фулана, чтобы я тоже могла посмотреть, как вы милуетесь?

Шэнь Юй косо глянул на неё и фыркнул:

— Невозможно.

Цао-лаобань с видом полного несогласия покачала головой и сказала:

— Мелочный, слишком мелочный. Будешь таким мелочным - не найдёшь истинную любовь.

Она держалась с видом бывалого человека, тон её за одну фразу успел трижды изогнуться вверх и вниз. Потом она раскрыла одну ладонь и добавила:

— Верни мне деньги!

Шэнь Юй быстро согласился:

— Можно.

Цао-лаобань осталась довольна и сказала:

— Отлично. Считаем, что долг списан.

Пока эти двое туда-сюда перебрасывались праздными словами, Чжоу Сяолэ и Сюй Гуань успели собраться, и все вместе отправились в город. Толпа людей теснилась перед подъёмным мостом, ожидая, когда его опустят. Издалека особого впечатления не было, но стоило подойти ближе и поднять голову, как становилось ясно, насколько величествен этот мост.

Поднятый мост был целых восемь метров высотой и три метра шириной. В этот момент солдаты тянули железные цепи, медленно опуская его вниз. Стоило разнестись звуку железных цепей, как Чжоу Сяолэ будто увидел, как приходит в движение весь механизм. Если думать дальше, можно было представить: если враг пойдёт на приступ, цепи загремят, мост поднимется, и неприятеля можно будет удержать снаружи.

Этот подъёмный мост был не только путём в город, но и первой линией обороны городских стен.

Бах! Взвилась пыль, и мост опустился. Все разом ступили на него. Люди, входившие в город, и люди, выходившие из города, встречались посередине подъёмного моста, расходились, уступая друг другу дорогу, и поток не прерывался.

Среди трёх городов Крайнего Юга Циннань был самым процветающим в торговле, потому что если жители этих трёх южных городов хотели отправиться в столицу, им непременно нужно было пройти через Циннань, а затем уже двигаться дальше на север. Со временем постоянные дворы и еда Циннаня благодаря приезжим торговцам постепенно расцвели и прославились по всей стране.

Едва они вошли в город, слева стояли работники разных постоянных дворов, зазывая гостей, справа находился конный двор. Стоило пройти вперёд, как в глаза набивались всевозможные лотки с едой, питьём, вещами и редкостями для любования. Крики торговцев то поднимались, то опускались, запахи всевозможной еды ударяли в нос. Куда ни поверни голову, всюду виднелись утренние лотки с завтраками, над которыми поднимался горячий пар; от обилия всего этого глаза разбегались.

Последний раз они ели сухие рисовые лепёшки ещё вчера днём, и теперь, стоило им увидеть, услышать и почуять всё это, животы у всех разом подняли бунт. Птичка в клетке тоже была до крайности оживлена: если бы не клетка, она бы давно бросилась в чашку с лапшичным супом купаться.

Шэнь Юй погладил живот и сказал:

— Потерпите, потерпите. Комнаты мы заказали в «Чжэньпиньгэ», там...

С этими словами он протянул руку в сторону и схватил Цао-лаобань, у которой глаза уже как приклеились к большой чашке, возвращая её обратно. Каждый раз, когда он входил в город вместе с Цао-лаобань, это повторялось. Казалось бы, прежде она уже ела такую еду, но каждый раз её всё равно тянуло на тот запах, и ничего не поделаешь.

Цао-лаобань никак не удавалось утащить, и Шэнь Юй беспомощно сказал:

— Цао-лаобань, задержи дыхание.

Цао-лаобань послушно задержала дыхание, и ей действительно стало гораздо лучше. Она беззвучно, но тяжело кивнула Шэнь Юю, и в глазах её было полно одобрения.

Только когда они миновали лотки с едой, Цао-лаобань наконец заговорила:

— Ты не понимаешь. Это вкус родного края!

Услышав эти слова, Чжоу Сяолэ был глубоко тронут.

Чжоу Сяолэ уже успел мысленно дорисовать целую историю: Цао-лаобань из-за разных вынужденных обстоятельств покинула родные края, а потом в чужом городе за тысячи ли, у непрямого лотка с едой, вдруг попробовала вкус родины. Как тут не затосковать?

Попробовать представить хотя бы себя: если бы он, переродившись в другом мире, всё ещё мог съесть хоть один раз еду, приготовленную бабушкой, или фэнь, приготовленную мастером, он бы точно доел всё со слезами.

Однако стоявший рядом Шэнь Юй с совершенно равнодушным лицом сказал:

— В прошлый раз ты ела большую лепёшку с севера, рыбу и креветок с востока, лапшичный суп с запада и всё называла вкусом родного края. Позволь спросить, где же твой дом?

Цао-лаобань сказала:

— Ты не понимаешь. Четыре моря - мой дом!

— ...

Так, перебрасываясь шутками, они наконец дошли до самого большого ресторана Циннаня - «Чжэньпингэ».

Здание «Чжэньпингэ» имело пять этажей и стояло в центре озера. Если взять «Чжэньпингэ» за середину, то над воротами с востока, запада, юга и севера висело по вывеске, и на каждой вывеске было по одному иероглифу: счастье, жалование, долголетие, радость. Перед каждым воротами извилистый деревянный мост соединял ресторан с городскими улицами. На этих мостах висели сплошные ряды фонарей, а у начала моста со стороны улицы стояла мемориальная арка, на которой было написано: «Чжэньпингэ».

Почерк был острым, с полностью раскрытыми гранями. Чжоу Сяолэ предположил, что, должно быть, это работа какого-нибудь знаменитого мастера с буйным, свободным стилем.

Чжоу Сяолэ впервые пришёл в такой роскошный ресторан, и любопытства в нём было больше, чем робости.

— Эти фонари вечером все зажигают?

Шэнь Юй ответил:

— Днём они служат украшением, а вечером, конечно, используются по назначению.

Если вечером зажечь все фонари, можно было представить, какой будет вид. Услышав восхищение Чжоу Сяолэ, Цао-лаобань улыбнулась и сказала:

— Эти фонари - всего лишь маленькая затея. По-настоящему зрелищно вечером, когда выходят расписные лодки...

Чжоу Сяолэ спросил:

— Расписные лодки?

Цао-лаобань сказала:

— В первый и пятнадцатый день каждого месяца все известные рестораны Циннаня выводят свои расписные лодки. Они идут по реке Чунсу с юга города на север, а артисты на разных лодках наперебой соревнуются красотой и мастерством: духовые, струнные, пение, танцы - всё умеют превосходно.

— Горожане ещё зажигают цветочные фонарики и пускают их по реке вслед за расписными лодками. Если фонарь подберёт артист с какой-нибудь лодки, это значит, что человек получил первый приз, — добавил Шэнь Юй.

Первый приз? Чжоу Сяолэ вспомнил всевозможные костюмные драмы из прежней жизни. Обычно, когда там говорили о таком первом призе, смысл был примерно один и тот же.

Цао-лаобань поняла, что он неправильно подумал, и громко рассмеялась:

— О чём ты думаешь? Первый приз чаще всего - это подаренные самим артистом стихи, песни или танец. Не смотри, что они всего лишь артисты: литературный талант у них лучше, чем у многих учёных мужей, а песни и танцы - высшего уровня.

Чжоу Сяолэ с сожалением сказал:

— Жаль, что на этот раз мы приехали не в подходящее время. Остаётся ждать следующего раза.

Шэнь Юй сказал:

— Не спеши, это бывает каждый месяц.

До приезда Цао-лаобань уже забронировала комнаты. Чжоу Сяолэ и Сюй Гуань были супругами, поэтому жили в одной комнате, а оставшиеся две комнаты заняли Цао-лаобань и Шэнь Юй - каждый по одной. Они оставили вещи в комнатах, немного привели себя в порядок, а затем вместе спустились в главный зал завтракать.

Едва они сели, как увидели: в ворота вошла группа людей. Идущего первым Чжоу Сяолэ никак не мог назвать незнакомцем. Это был его бывший двоюродный брат, старший брат Чжоу Сяодуна - Чжоу Линь.

За спиной Чжоу Линя шло ещё несколько человек, все незнакомые. Только когда Чжоу Линь прошёл чуть в сторону, Чжоу Сяолэ заметил ещё одного, о ком у него тоже осталось некоторое впечатление: он лишь помнил, что Чжоу Сяодун называл того Цзинь-гэром. Эта компания, войдя в двери, изначально направилась прямо к стойке, но один из них как раз повернул голову и увидел сидевших у окна Чжоу Сяолэ и остальных.

Сначала в его глазах мелькнуло удивление, затем на лице появилась улыбка, и он уже собирался идти к ним. Те, кто пришёл вместе с ним, явно считали его главным; увидев, что он быстрым шагом направился туда, вся группа тоже последовала за ним.

Тот человек улыбался с большим старанием:

— Неужели и правда Цао-лаобань? А я ещё подумал, что обознался!

Цао-лаобань с весёлой улыбкой ответила:

— Ван-лаобань, когда засиживаетесь по ночам, зажигайте на пару ламп больше. А то испортите глаза - беда будет.

Подколка Цао-лаобань не заставила лицо Ван-лаобаня измениться. Он улыбнулся и сказал:

— Цао-лаобань всё так же остроумна... Что же сегодня привело Цао-лаобань в префектурный город?

— В последнее время дела в игорном доме идут скверно, мы на грани закрытия, вот и приходится брать несколько крупных заказов, чтобы подзаработать на стороне... — Цао-лаобань вздохнула так правдоподобно, будто всё именно так и было.

Ван-лаобань подумал: вот бы твой игорный дом и правда закрылся, тогда «Жуисюань» смог бы расшириться на большой кусок. Но в сердце он думал одно, а вслух сказал:

— Цао-лаобань шутит. Кто не знает, что доходы игорного дома «Тяньчай» высоки?

Цао-лаобань сказала:

— Что? Когда это счета моего игорного дома успели разойтись наружу? Неужели там есть внутренний человек, которого устроил Ван-лаобань? Вернусь - надо будет хорошенько проверить. Ван-лаобань не волнуйтесь, как только найду, сразу отправлю человека обратно к вам!

— ...

Улыбка Ван-лаобаня начала застывать.

— Цао-лаобань, не шутите так. Как бы я мог посадить людей в игорном доме? Наверняка это происки других игорных домов!

Цао-лаобань с облегчением сказала:

— Хорошо, что это не Ван-лаобань. Иначе в следующий раз было бы так неловко идти есть в «Жуисюань», верно?

— Верно, верно... — поспешно отозвался Ван-лаобань. — Тогда мы не будем мешать Цао-лаобань трапезничать. Прошу, ешьте, ешьте.

Цао-лаобань улыбаясь кивнула. Наконец вся компания ушла вслед за работником наверх; очевидно, они тоже забронировали комнаты в «Чжэньпингэ».

<http://bllate.org/book/17639/1741300>